

В логове монстра, покинутом давным-давно, постелька Хуайцзяо всё ещё лежала в беспорядке.

Видимо, Беловолосый побывал здесь – два одеяла были скомканы в клубок и с силой закинута в угол, будто хозяин логова вымещал свою ярость.

Хуайцзяо легко мог представить, как выглядел вспыльчивый Беловолосый монстр, обнаружив его побегу:

Чешуя встала дыбом, клыки обнажились, из пасти вырывалось шипение, а он, нервно подрагивая ноздрями, припал к земле, жадно выискивая его запах.

В пещере витал дух другого самца – сладкий аромат самки был испорчен чужим вонючим следом. Беловолосый был вне себя от ярости. Едва представив, как его жену обнимал кто-то другой, он готов был взорваться.

Двое выбрались из реки, промокшие до нитки. Беловолосый выглядел тяжело раненым: часть волос обгорела, а на щеке красовались огромные волдыри.

Но, казалось, он не чувствовал боли – лишь прижимал к себе Хуайцзяо, кожей к коже, жадно притираясь к своей жене.

Самка отсутствовала 72 часа и 49 минут. Беловолосый монстр не умел считать время, но он долго злился и переживал. Его волосы потускнели, тело перестало выделять слизь – казалось, он был почти мёртв.

Но теперь, вернувшись в логово, их роли поменялись. Тот самый Беловолосый, что в воде ловко носился с Хуайцзяо, словно русалка, теперь лежал, будто без костей, готовый утонуть в нём.

Мускулистые руки крепко обнимали Хуайцзяо: одна прижимала его за спину, другая обхватывала тонкую талию. Неповреждённый высокий нос монстра горячо соприкасался с кожей, а сам он, словно щенок, тыкался мордой в грудь жены.

Хуайцзяо сжал губы, но не смог его оттолкнуть. Беловолосый иногда бывал очень настойчивым.

Пришлось волочить за собой этого бесхребетного громилу, пока он, ковыляя, добирался до угла, где всё ещё лежал рюкзак. Хуайцзяо помнил, что внутри были лекарства – противовоспалительные, обезболивающие. Он вытряхнул всё содержимое на пол.

- Тебе не больно?..

Беловолосый покорно улёгся у него на коленях, уткнувшись лицом в живот, и, сопя, жадно втягивал его запах. Совсем не похоже, что он испытывал боль.

- Шшш! Ш-ш-ш!

Хуайцзяо почти что понял его: Беловолосый, кажется, говорил что-то вроде «жена... пахнет хорошо».

Он дрогнул ресницами. От того, как настырно этот вонючий пёс тыкался в его живот, всё внутри сжималось. Дрожащими пальцами он осторожно наносил мазь на раны монстра.

- Если не перестанешь, я перестану мазать!

- Шшш!!

...

Скорость восстановления монстра тоже была нечеловеческой. Едва Хуайцзяо кое-как обработал его раны в первый день, как на следующее утро те уже покрылись корочкой. Даже волосы отросли короткими колючими прядями, которые кололись о кожу.

Хуайцзяо спал в полудрёме, чувствуя, как по телу бегут мурашки, словно его кусают муравьи. В полусне он машинально потянулся к привычным белым прядям, но теперь они были короче и лишь скользнули у него между пальцев.

- Больно...

Его нежно-розовый кончик, который давно не трогали, уже набух от ласк этого плохого пса, превратившись в круглую капельку.

Хуайцзяо боялся дотронуться до волос монстра, чтобы не задеть его обожжённое лицо, и даже пальцы держал осторожно.

- Шшш

Беловолосый монстр снова был на грани смерти – но на этот раз от сладости своей жены. Самка не источал влагу, но всё его тело было пропитано медовым ароматом. Прошла всего одна ночь, и всё логово вновь наполнилось его запахом: и в гнезде, и в одеялах, в которые они завернулись, и даже в волосах монстра, которые самка в сладострастии сжимал в кулачках.

Хуайцзяо уже раскис, беспомощно дрыгая ногами. Гнездо было в полном беспорядке: одеяло запуталось между его бёдер, но Беловолосый отодвинул его головой.

- Мне больно... – хныкал самка, на глазах которого выступили слёзы.

На самом деле, это была не боль. Монстр берег его как зеницу ока, готовый умереть сам, но не причинить ему ни капли страданий. Скорее, это была сладкая мука – но он всё равно капризничал, называя это болью.

Чешуя монстра встала дыбом, а сам он, услышав эти жалобные стоны, покрылся потом. Капли скатывались по напряжённым мышцам спины, стекая к хвосту.

Прошло много времени, прежде чем тихие всхлипы самки в пещере стихли. Другие монстры, что снаружи, прижав уши, затаив дыхание, прилипли к входу, но потом, тяжело дыша, неловко отползли прочь.

Хуайцзяо лежал с закрытыми глазами, безвольно свесившись на спине Беловолосого. Тот, словно образцовый хозяин, осторожно окунал промокшее одеяло в воду.

Ароматная влага самки пропитала всё гнездо, и одеяло слиплось. Огромный вонючий монстр, сердце которого бешено колотилось, бережно подобрал его, уже готовый уткнуться в ткань лицом, но тут самка, немного пришедший в себя, сжал губы, брезгливо отшвырнул его ногой.

Беловолосый присел у реки, украдкой поглядывая на Хуайцзяо. Убедившись, что тот спит, он замедлил движения, вытащил из воды ещё не до конца промокшее одеяло и... сунул его в рот.

С пустым взглядом, но с хищным оскалом, он, тяжело дыша, принялся жадно сосать ткань.

Сердце колотилось как бешеное. Пока он притворялся, что стирает одеяло, монстр тайком лакомился соком своей жены.

Голова кружилась, а во рту стоял сладкий вкус.

...

[Ты ещё собираешься тут задерживаться?]

8701 не выдержал и разбудил Хуайцзяо, который, как поросёнок, целыми днями валялся в гнезде. Тот только что поел, и теперь, в полуобморочном состоянии, позволял Беловолосому вылизывать свои губы.

Услышав голос системы, он вздрогнул, оттолкнул монстра и, смущённо сжав бёдра, сел прямо.

[Можно и ещё...]

Действительно, можно. Хуайцзяо не до конца понимал механизм выхода из данжа. Ранее, движимый жалостью, он бросился в воду, чтобы спасти Беловолосого, как только задание было выполнено. Теперь же он оставался здесь просто из-за лени, не желая переходить в новый данж.

8701 фыркнул, и его голос прозвучал едким:

[Не похоже, что тебе «можно и ещё».]

[Разве что родить Беловолосому детёныша.]

Целыми днями он позволял монстру делать с собой что угодно – плакал, конечно, но не сопротивлялся. Казалось, его уже насквозь пропитало этим существом.

8701 хотел дразнить его, называя «самкой», но Хуайцзяо, с покрасневшими щеками и прикушенной губой, выглядел слишком невинно – совсем не похоже на испорченного шалуна, который путается с вонючим псом.

Хуайцзяо не знал, что 8701, ревнуя и злясь, относился к нему, как к дочери. Он сжал губы и тихо объяснил:

[После этого данжа будет оценочный уровень... Я так нервничаю, не хочу выходить так скоро...]

Он и правда боялся. По сравнению с усложняющимися испытаниями, больше всего он опасался именно «оценочного» данжа, о котором говорила система.

Как глупый ученик, всегда получавший высокие баллы за счёт жульничества, он вдруг столкнулся с экзаменом, который решит его дальнейшую судьбу.

[Ничего страшного. В худшем случае останешься на уровне D – не конец света.]

[Кроме тех, у кого явные проблемы с интеллектом, большинство повышают уровень за две попытки.]

Слова 8701, звучавшие как намёк, всё ещё звенели у него в ушах. Хуайцзяо страдал, будто уже оказался на всеобщем обозрении, где игроки выставляли его на посмешище.

8701: [...] Не ожидал такого.

Выходит, кто-то готов терпеть лапы монстра, лишь бы не возвращаться к экзамену.

[Можно я ещё немного останусь?..] – жалобно спросил Хуайцзяо, пытаясь договориться.

Да, здесь у него иногда болел живот, но зато можно было бездельничать, да ещё и прислуживали.

Вполне терпимо.

8701: [...] Ладно, можно.

Хотя этот дурачок, похоже, не понимал, что после возвращения экзамена ему всё равно не избежать.

8701 был побеждён.

...

Хуайцзяо был домоседом, умевшим приспособливаться. В логове монстра, с каждым днём, Беловолосый, казалось, заболел – он уже не мог и минуты прожить без него.

Кроме как добывать еду, он только и делал, что прижимал к себе свою самку. Хуайцзяо, которого он откармливал, заметно округлился: из тощего парнишки он превратился в мягкого и нежного.

Беловолосый сходил с ума от любви, целыми днями прижимаясь к нему.

Когда Хуайцзяо доставало, он в слезах называл его «бешеным псом», не заботясь о том, понимает ли монстр. Беловолосый был огромным и сильным – когда он стоял, обнимая его, Хуайцзяо даже не доставал до его ступней.

На земле под ними уже образовалась лужица.

Животик самки выпятился, а сам он, как варёный рак, повис на монстре, кончики пальцев дёргались, и с них капало...

Чешуя под пальцами была скользкой, и монстр, шипя от возбуждения, с тёмными узорами на лице, двигался резко и быстро, будто пытаясь пронзить его насквозь.

Хуайцзяо пожалел. Он хотел уйти. Сейчас же. Как только монстр закончит, он сразу убежит.

Но когда всё заканчивалось, и монстр, вернув обычный вид, прижимался к нему, как преданный пёс, Хуайцзяо, со слезами на глазах, думал, что, пожалуй, можно потерпеть. Боль в животе – это временно, а позор на экзамене – навсегда.

...

У выхода из пещеры кто-то оставил зонт.

Хуайцзяо, с помощью Беловолосого, выбрался наружу. Монстр всё ещё боялся солнца и, когда самка вылезал, прижимался к его спине, будто опасаясь, что тот снова убежит.

- Кто принёс зонт?.. - Хуайцзяо, высунувшись из пещеры, огляделся, держа зонт в руках.

Беловолосый тревожно зашипел: - Шшш!

- Сейчас, сейчас! - Хуайцзяо никого не увидел и, полный вопросов, раскрыл зонт.

Чёрный, большой и тяжёлый - похоже, обычный деревенский, без изысков, но практичный. В раскрытом виде он мог укрыть двух-трёх человек.

Хуайцзяо поднял зонт над головой Беловолосого и, пригнувшись, спросил:

- Ты можешь выйти?

- Кажется, солнце уже не такое сильное.

Монстр повернул голову. Полуденные лучи полностью перекрывались чёрным зонтом. Самка присел под ним, подперев подбородок коленями, и старательно прикрывал его от солнца.

Разве можно так сильно стучать сердцем?

Беловолосый монстр, не отрываясь, смотрел на Хуайцзяо, полный обожания.

Прошло не так много времени, и монстр снова выпрыгнул из пещеры. На этот раз снаружи не было палящего солнца или обжигающих факелов.

Был только прекрасный самец, державший над ним зонт.

В густом лесу, среди теней деревьев, мелькало гибкое тело с белоснежными волосами и бледно-серой кожей. Оно несло, как гепард, уверенно преодолевая препятствия.

Хуайцзяо сидел у него на спине, сияющими глазами разглядывая окрестности.

Беловолосый замедлился, потыкался мордой в него. Хуайцзяо, подняв зонт, радостно указал вперёд:

- Смотри, видно место, где я раньше жил!

Монстр кивнул, но, сделав пару шагов, почему-то загрустил. - Шшш...

- Не хочу возвращаться. Брат Эрню будет ругаться, ха-ха.

Беловолосый сразу ожил и, подбрасывая Хуайцзяо на спине, радостно забегал вокруг.

- Шшш!!!

Если бы он умел говорить, ему не пришлось бы шипеть. Он бы просто обнял Хуайцзяо и сказал:

Монстр может умереть, но не может жить без самки.